

Караяни А.Г., Малицкий Г.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Проблема преодоления девиантного поведения военнослужащих - одна из самых актуальных, сложных и весьма деликатных проблем, стоящих перед теоретиками и практиками воспитательной работы в ВС РФ. Она позиционирована как приоритетная задача деятельности командиров, специалистов воспитательной работы, и, в частности, военных психологов Президентом и Министром обороны РФ.

Непреходяще высокое социальное значение проблемы преодоления девиаций в ВС РФ связано с тем, что:

во-первых, они наносят существенный ущерб боеготовности воинских частей и подразделений и, прежде всего, такой ее составляющей, как морально-психологическое состояние военнослужащих, разобщают их, дезорганизуют совместную деятельность;

во-вторых, нередко они сопровождаются физической и психической травматизацией и гибелью военнослужащих и гражданских лиц. Это особенно характерно для девиаций в боевой обстановке;

в-третьих, они вызывают сильный резонанс в обществе, наносят вред имиджу и социальному статусу Вооруженных Сил. Иногда событие, произошедшее в одной воинской части или даже с одним военнослужащим становится поводом для широкого обсуждения в СМИ, весьма масштабных социальных акций.

Президентом РФ, Министром обороны принимаются разнообразные, часто неординарные меры по профилактике девиантного поведения военнослужащих. Среди них: усиление гражданского контроля над деятельностью вооруженных сил (далее ВС) со стороны общественного совета при Президенте России и родительских комитетов; повышение ответственности должностных лиц воинских частей и самих нарушителей; введение гауптвахт с продолжительными сроками ареста и т.д.

Психологами Военного университета проблема профилактики различных форм девиантного поведения военнослужащих изучается в русле от-

дельного полноценного направления научных исследований. В частности, сегодня разрабатываются докторская и 3 кандидатских диссертации регулярно выходят монографии, научные статьи, учебники, учебные и учебно-методические пособия, КНИР, посвященные проблемам девиантологии. Аналогичная работа, как нам известно, ведется в других силовых ведомствах.

Важнейшим условием профилактики и преодоления девиантного поведения военнослужащих является выявление основных его предпосылок.

Изучение имеющихся научных подходов в этой области показывает, что причины девиантного поведения военнослужащих многообразны и, чаще всего, проявляются в комплексе. Вместе с тем, на основе обобщения ряда исследований можно выделить несколько групп причин:

1. Индивидуально-психологические:

- психические дисгармонии (эпилептоидный тип акцентуации, отличающийся обидчивостью, злопамятством, ранним самолюбием, агрессивностью);
- комплексы аутсайдера и Герострата;
- приобретенный опыт асоциального поведения – опыт насилия, враждебной социальной стратификации, аморальности, употребления алкоголя и наркотиков, подчинения, жизни по законам волчьей стаи;
- низкий образовательный и культурный уровень (40% призывников с неполным средним образованием); застревание на уровне игровой деятельности в процессе личностного развития.

2. Социально-психологические факторы:

- социальные стереотипы об армии, функционирующие по законам «самореализующегося пророчества» и порождающие эффект «выученной беспомощности» (психологические механизмы трансформации социальных представлений в ролевое поведение людей хорошо показаны в экспериментах Ф. Зимбардо и М. Селигмана);
- негативный пример российского общества, в котором имеют место своеобразные «неуставные» взаимоотношения, землячество и др. (криминальный захват предприятий, «крышевание» правоохранительными органами преступников, обращение к авторитетам лиц с просьбой о решении различных проблем, нерешенных органами правопорядка и правосудия, «поход» преступников во власть и др.);

- неэффективность управления воинскими подразделениями (наличие офицеров - двухгодичников, психологов-непрофессионалов, и др.);
- соревнование в области дисциплины, оценка управленческих качеств по количеству «палок»;
- «синдром Павлика Морозова» в обществе, вызывающий неприязнь к людям, сообщающим о нарушениях в коллективах органам управления и власти;
- наличие аналогов неуставных взаимоотношений среди офицеров при распределении нарядов, отпусков, квартир и др.;

3. Ситуативные факторы:

- криминогенный возраст призывников, возраст личностной несформированности, нестабильности, повышенной эмоциональности (18-21 год);
- плотное «кучевание» психически дезадаптированных людей, эффект «витринного» проживания в подразделениях;
- разрыв судьбоносных жизненных процессов у призванных в армию (любовь, рождение ребенка, болезнь близких, зарождающийся бизнес и др.);
- неудовлетворенная возрастная гиперсексуальность, подогреваемая «откровениями бывалых» сослуживцев;
- наличие естественной стратификации по призывам, порождающей процессы социального сравнения, категоризации, разделения на «мы» и «не мы»;
- слабый соцкультбыт, скука, тоска (даже во вражеском плену – это наиболее травматогенные факторы);
- отсутствие здоровой, социально полезной, статусной деятельности;
- наличие преимущественно монодеятельности, нацеленной на поддержание порядка в части; неразвитость многообразных форм спортивной, культурной деятельности, хорошо поставленной боевой учебы, включающей занятия различными видами деятельности, что, как правило, сопровождается формированием в подразделении социальной моноструктуры лидерства и власти;
- эффект кумуляции причин вследствие обмусоливания проблемы в СМИ (свидетельством этому служат результаты исследований влияния СМИ на поведение людей, проведенных А. Бандурой с коллегами).

Очевидно, что чаще всего генетические, индивидуально-типологические, личностные, социальные и ситуативные обстоятельства дей-

ствуют одновременно, сочетаясь в различных конфигурациях и иерархических конструкциях.

Однако опыт убедительно показывает, что одной из основных предпосылок низкой эффективности профилактической работы в рассматриваемой сфере является то, что армия необоснованно рассматривается как *абсолютно уникальное, изолированное* социальное образование, для которого характерны *специфические* социально-психологические закономерности функционирования. Как следствие, ведется поиск эксклюзивных методов профилактической и коррекционной работы, ориентированных, преимущественно, на активизацию контрольных функций и ответственности командиров. Безусловно, мы это особенно подчеркиваем, безответственность некоторых должностных лиц нередко выступает главной причиной девиантных поступков военнослужащих.

Вместе с тем, необоснованно игнорируется то обстоятельство, что армия – открытая социальная система и в ней нет ничего такого, чего нет в окружающем социуме, только в видоизмененной форме. Еще в начале XX века отечественные военные психологи (Агапеев А.С., Гловин Н.Н., Зенченко М.В. и др.) подчеркивали, что «армия - верная копия государства, миниатюра, зеркало его со всеми достоинствами и недостатками. Поэтому для «мощи войск необходимы симпатии всего населения. Никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в отечестве», что «источник мужества армии лежит в обществе», «воин, будучи сколком своего народа, верно и точно отражает как доблести, так и немощь своего народа».

В армии не появляются, а лишь проявляются в специфической форме девиации, имеющие место в обществе. Если общество больно инфекционной заразой и окружающая среда насыщена ядовитыми миазмами, трудно сохранить здоровье. Игнорировать множество скрытых и явных влияний общества, перенос его системных свойств на качества составляющих элементов – различных социальных групп, силу и масштабы соучастия общества в девиантных появлениях в ВС РФ уже просто глупо.

Мы исходим из того, что армия, воинские коллективы являются лишь разновидностями социальных групп, встроенных в социум, психология которых подчиняется действию общих социально-психологических закономерностей групповой жизни. Такая позиция дает возможность экстраполировать результаты и выводы психологических экспериментальных исследований,

получивших широкое признание в научных кругах, в область профилактики нарушений социального здоровья воинских коллективов.

При этом, как минимум, должны быть учтены следующие феномены и линии влияния общества на формирование девиантного поведения военнослужащих:

- 1) перенесение опыта асоциальной адаптации в новые условия жизнедеятельности;
- 2) социальное научение девиантному ролевому поведению;
- 3) деиндивидуализация личности военнослужащего;
- 4) выученная беспомощность молодых воинов;
- 5) социальные инициации в неформальной структуре воинских подразделений.

Когда мы говорим о перенесении опыта асоциальной адаптации в условия жизнедеятельности военнослужащих, то, прежде всего, имеем в виду такое явление, как «годковщина» в школе, проявляющаяся в виде рэкета, издевательств над младшими школьниками и одноклассниками. Такими явлениями поражено большое количество школ в крупных городах. В 2006 году по разным каналам нашего телевидения прошли передачи, в которых сюжеты о «дедовщине» в школах были острее, чем аналогичные события в армии. Десятки тысяч молодых людей систематически участвуют в групповых драках с «чужими» (фанаты спортивных команд, скинхэды, уличные банды и т.д.). В этиологическом смысле негативные школьные отношения могут быть квалифицированы как «прадедовщина».

Юноши с опытом использования крайних форм агрессии и издевательств во взаимоотношениях с другими людьми, физического унижения других, составляют значительную часть призывного контингента.

Не менее «девиантогенен» доармейский опыт самовольного оставления места жительства, учебы будущими военнослужащими. По данным Цветкова ВЛ. в России насчитывается порядка 4 млн. детей, относящихся к категории беспризорных, то есть лиц с сформировавшейся потребностью к бродяжничеству, абсолютной свободе, неспособностью к оседлой организованной жизнедеятельности, отсутствием привычки подчинения требованиям дисциплины, правилам и нормам поведения. Если разделить это число на 10 лет (то есть максимальную продолжительность бродяжничества) и отнять половину (с большим запасом, удалив из этого числа девочек), то получается, что еже-

годно на военную службу приходят порядка 200 тысяч новобранцев с сформированной склонностью к самовольному оставлению воинских частей.

Высокий потенциал девиантных проявлений содержит опыт употребления допризывниками алкоголя и наркотиков. По официальным данным лиц, употреблявших алкоголь и наркотики, среди призывников насчитывается более 25%. Однако, представляется, что эта цифра не отражает реальности. Известно, что в России насчитывается порядка 6 млн. наркоманов, подавляющее большинство из которых – призывного возраста. Даже если убрать из этого числа наркоманов женского пола и лиц, уже отслуживших в армии и хронических больных, то можно предположить, что среди призывников процент наркоманов катастрофически высок.

Не менее опасной предпосылкой к развитию у военнослужащих девиантного поведения является призыв в армию лиц с криминальной социализацией и тюремной субкультурой. По официальным данным, в ВС РФ каждый 11-й военнослужащий призван после отбывания уголовного наказания и снятия судимости.

Таким образом, общество в огромных количествах поставляет в вооруженные силы контингенты, которые, можно сказать, «заражены» девиациями. По существу, наша армия сегодня превратилась в своеобразное исправительное учреждение. Ведь с таким составом команды эффективно выполнять такую ответственную задачу, как защита Родины, просто невозможно.

Общество оказывает негативное влияние на армию не только прямым привнесением в нее девиаций, но и посредством формирования социальных стереотипов о ролевом поведении различных категорий военнослужащих.

В области социальной психологии накоплено немало интересных научных фактов, проливающих свет на происхождение девиаций в различных социальных сообществах. Если мы все же признаем, что военнослужащий – это полноценная личность, с комплексом собственных потребностей, интересов, «выпуклостей» или акцентуаций характера, привычек, генетических особенностей, которые не исчезают в казарме, а воинское подразделение – это социальная группа, для которой характерны все психологические закономерности групповой жизни, то мы можем использовать выводы ряда известных и авторитетных исследований для их познания.

Сила влияния социальных стереотипов на ролевое поведение людей мастерски показана в известном стэнфордском «тюремном» эксперименте

Ф. Зимбардо. Он во время каникулярного отпуска студентов (с 14 августа 1971 года) организовал в подвале Стэнфордского университета «тюрьму». Для этого он для участия в эксперименте из сотни претендентов с помощью специальных тестов отобрал 20 человек, которые не имели криминального опыта, не отличались агрессивностью. Случайным образом они были распределены на две группы. Затем, опять же случайным образом, одну группу экспериментатор назвал «заключенными», а вторую – «охранниками». Эксперимент был рассчитан на 2 недели, однако через 6 дней экспериментаторы вынуждены были его прекратить, так как участники опасно вжились в экспериментальные роли.

Позже Ф.Зимбардо писал: «Драматические изменения наблюдались почти во всех аспектах их поведения, образе мыслей и чувствах. Менее чем за неделю опыт заключения зачеркнул все то, чему они научились за целую жизнь; человеческие ценности оказались «замороженными», самосознанию каждого из них был брошен вызов, а на поверхность вышла самая гадкая, самая низменная, патологическая сторона человеческой природы. Нас обуревал ужас, когда мы видели, что некоторые парни («охранники») относились к другим парням («заключенным») как к бессловесным животным, получая удовольствие от проявления жестокости; в то же время другие парни («заключенные») становились подобострастными, дегуманизированными роботами, которых занимала лишь мысль о побеге, проблема личного выживания да растущая ненависть к «охранникам».

Это явление было названо «синдромом Люцифера» - ангела, ставшего сатаной. Он наглядно показывает, что ролевое поведение людей, особенно попавших в новые условия, является функцией тех социальных стереотипов, которые доминируют в общественном сознании.

Задумаемся, если бы среди участников эксперимента были бы даже единицы тех, кто имеет криминальный опыт, стойкую привычку к алкоголю и наркотикам, если бы группы были сформированы не на основе добровольности, а на основе принуждения, если бы все они были представителями одно из самых неустойчивых в психологическом отношении возрастов, для которого характерно неукротимое стремление к свободе, независимости, болезненное отношение к попыткам принуждения, деиндивидуализации, чем бы завершился эксперимент в этом случае? А ведь именно это все характерно для наших воинских коллективов.

Результаты стэндфордского эксперимента убедительно говорят о том, что даже если создавать воинские подразделения из почти идеальных людей, с идеальными командирами, в них могут прорасти социальные представления об армии, как о производителе дедовщины, о ее вездесущности и неистребимости, о неспособности отдельных людей противостоять ей. Здесь может срабатывать известный в социальной психологии механизм «самореализующегося пророчества».

Следовательно, и в поведении юношей, пополняющих ряды армии, реализуются доминирующие в общественном сознании представления о ролевой специфике новобранца – бесправного, презираемого, подвергающегося притеснениям и издевательствам и о роли старослужащего воина, как вершителя судеб молодых солдат.

В связи с этим можно сказать, что «каждый призывник носит рабство дедовщины в себе задолго до прибытия в воинскую часть».

Атрибутивный характер включения в роль молодого солдата элемента униженности способствует развитию у новобранцев синдрома «выученной беспомощности». Это явление непреднамеренно открыли американские исследователи Д. Овермайер и М. Селигман в процессе изучения психологических закономерностей научения животных. Они пытались научить собаку избегать опасности – удара током. Этого можно было достигнуть, научив животное замечать, что перед ударом током вспыхивает свет. В том случае, если собака перепрыгивала через барьер в качающийся ящик, она избегала удара током.

Те собаки, которым перед опытом демонстрировали, сколь болезненны удары током, в условиях невозможности избежать их, вместо поиска адаптивных действий либо начинали метаться по клетке, либо ложились и, скуля, получали удары. У них проявлялись выраженная эмоциональная напряженность, учащение сердцебиения и дыхания, повышение кровяного давления, снижение жизненной активности, угасание интереса к пище, к половым партнерам, позже – психосоматические расстройства (аритмия сердечной деятельности, язвы желудка, кишечника). Собаки, у которых страх перед током не вырабатывался, перепрыгивали в безопасный ящик. Таких насчитывалось не более 20%. Аналогичные результаты получены на выборках крыс, кошек, рыб.

Мартин Селигман, распространяя полученные результаты на людей, определяет беспомощность как состояние, возникающее в ситуации, когда внешние события от нас не зависят и мы ничего не можем сделать, чтобы их предотвратить или видоизменить.

Синдром «рабской покорности» формируется у молодых людей призывного возраста в результате нагнетания в обществе страха перед армейской дедовщиной, показа неспособности органов военного управления противостоять ей.

Сегодня функционирует самостоятельная область научных исследований – виктимология, изучающая психологию жертвы. Ее выводы беспощадны – жертва несет не меньшую ответственность за происшедшее с ней. Она чаще всего провоцирует насилие над собой путем демонстрации готовности к нему. Этот синдром известен в науке как «синдром Красной Шапочки». Именно психология жертвы провоцирует развитие у окружающих комплекса палача.

Выученная беспомощность усиливается у молодых солдат в том случае, когда их жалобы на гнет и побои, обращения к должностным лицам заканчиваются тем, что последние еще больше «накручивают» негодяев и оставляют их наедине с угнетаемыми.

При продолжительном действии подобной ситуации у военнослужащего формируется виктимная психология и стилевые поведенческие схемы жертвы.

Исследования А. Бандуры и Р. Уолтерса (1963), У. Бельсона (1978) и др. показали, что вполне конкретное формирующее влияние на поведение человека оказывает телевидение и другие СМИ. К моменту окончания школы средний американский ученик просматривает по телевидению около 8 тыс. сцен с убийствами и 100 тыс. насильственных действий. Не случайно, 9 из 10 американских заключенных считают, что телевизионные программы о преступности могут научить новым способам преступлений, а 4 из 10 заявили о том, что пытались воплотить в жизнь увиденное на экране (Майерс Д., 1999). Просмотр по телевидению сцен с агрессивным поведением вызывал повышение агрессивности у детей, студентов, подростков, отбывающих наказание в ИТУ. Установлено, что наблюдение насилия программирует зрителя на агрессивное поведение.

Не менее драматичная картина складывается в сегодняшней России. Вряд ли можно согласиться с тем, что механизм подражания не работает в случае с пресловутыми неуставными взаимоотношениями в нашей армии, широко рекламируемыми в СМИ.

Не менее интересны выводы из ряда экспериментов по деиндивидуализации личности для понимания причин часто немотивированной агрессивности и конфликтности военнослужащих. Так, Ф. Зимбардо было показано, что простое однообразие в одежде способствует значимому повышению агрессивности у испытуемых. В ряде исследований установлено провоцирующее влияние на повышение агрессивности и конфликтности групповых условий, связанных с «витринностью» повседневной жизнедеятельности человека, когда член группы не может уединиться в течение длительного времени, обладает минимальной из возможных личных «территорий» и т.д. Известно, что неблагоприятно сказываются на взаимоотношениях людей условия относительной социальной изоляции, порождающие явление быстрой информационной истощаемости группы, способствующей, в свою очередь, повышению раздражительности, агрессивности, взаимной нетерпимости.

О справедливости выделения факторов «витринности» и «информационной истощаемости» в провоцировании агрессивности членов даже частично социально изолированных групп могут свидетельствовать результаты многочисленных исследований экипажей, готовящихся к длительным космическим полетам, экипажей арктических станций, а также «реалити-шоу» типа «Последний герой». Они убедительно показывают, что в социально изолированных группах быстро возникают взаимная подозрительность, агрессивность, нетерпимость, враждебность.

На наш взгляд, весьма эвристичными являются проводящиеся в настоящее время военными психологами исследования психологических механизмов и закономерностей различного рода инициаций, имеющих место в разных сферах жизни человеческого общества. Уже первые результаты показывают, что привлекательность инициаций порой настолько велика, что она поработочает человека, заставляет его *сегодня подчиниться* издевательствам, чтобы *завтра подчинять* других.

В сущности «дедовщины» среди людей, возможно, помогут результаты экспериментов с крысами, описанные Бернардом Вебером в «Империи ангелов». Экспериментаторы поместили 6 крыс в клетку, из которой заполнен-

ный водой туннель вел в помещение с кормом. Сначала все крысы попытались плавать за зерном. Затем постепенно стали формироваться внутригрупповые роли. Среди крыс появились 2 крысы «эксплуататора», 2 - «эксплуатируемых», 1 - «автономная», 1 – «козел отпущения». Функционально эти роли проявлялись в следующих видах поведения: «эксплуатируемые» плавают за зерном, а «эксплуататоры» отнимают у них добычу и оставляют им часть пищи после того, как сами наедятся. «Автоном» сам плавает за пищей и в жестоких схватках отстаивает свое право поесть еду. «Козел отпущения» сам не может плыть за пищей, терроризируется другими и доедает за ними остатки пищи.

Исследователи поместили в одну клетку 6 крыс, которые проявили себя как «эксплуататоры» в разных клетках. После ночного крысиного побоища, утром в клетке роли распределились по известной схеме: появились 2 крысы «эксплуататора», 2 - «эксплуатируемых», 1 - «автономная», 1 – «козел отпущения».

Аналогичные роли проявляются и при помещении в общую клетку особей, относящихся к группам «эксплуатируемых», «автономов» и «козлов отпущения». В случае, когда в клетку запускаются сотни крыс, возникают соответствующие группы (классы).

Ясно, что результаты исследований, полученных на крысах нельзя экстраполировать на человеческие сообщества. Однако и полностью отбрасывать эти факты недальновидно.

Все перечисленные выше неблагоприятные и провоцирующие агрессивность обстоятельства, в полной мере проявляются в условиях армейской службы. Констатация этого факта ориентирует психологов на пристальное исследование феномена ДПВ под новым углом зрения – с использованием аппарата экологической психологии.

Очевидно, что пока общество поставляет «зараженных» девиациями своих членов в ВС РФ, бороться с этим негативным явлением можно лишь посредством технологий перевоспитания и исправления.

По-видимому, важнейшим этапом работы с девиациями в воинских частях является этап работы с молодым пополнением, который призван стать своеобразным психологическим карантинном для призывников.

В настоящее время на кафедре психологии Военного университета реализуется своеобразная программа исследований в области негативного влия-

ния общества на психологию воинских коллективов. В частности, исследуются психологические механизмы подчинения социальному давлению; социально-психологические аспекты неуставных взаимоотношений; психология воинских инициаций; влияние относительной социальной изоляции на взаимоотношения военнослужащих; психологические особенности социализации военнослужащих в связи с сокращением сроков службы; особенности взаимоотношений военнослужащих по призыву и контракту и др. Хочется надеяться, что мы будем больше знать о психологических закономерностях взаимодействия психологии воинских коллективов и психологии общества и предлагать войсковым практикам более эффективные методы профилактики и пресечения девиантного поведения.

В социальной и педагогической психологии, в педагогической науке накоплен определенный опыт исследования девиаций. При этом главным принципом борьбы с социальными отклонениями признан принцип «опоры на положительное», «положительного подкрепления», «воспитания на примере» и подчеркивается абсолютная непродуктивность постоянного нагнетания негатива, упреков, давления.

В целях профилактики негативных явлений в Вооруженных силах России необходимо распространять эти наработки мировой психологической и педагогической науки. Начать же следует с формирования в общественном сознании россиян образа армии как здорового социального организма, способствующего личностному и профессиональному росту, росту материального благополучия, обязательной ступеньки в профессиональной судьбе любого гражданина, нацеленного на социальную карьеру.

Если мы по-настоящему озабочены негативными явлениями в ВС РФ, мы должны распространять эти наработки мировой психологической и педагогической науки.

Вышеизложенный материал позволил авторам определить меры, способствующие профилактике и преодолению девиаций среди военнослужащих. Часть из них рассчитана на короткие сроки. К ним относятся: организация здоровой воинской деятельности; организация полидеятельности; запрет на соревнования по дисциплине; повышение призывного возраста; запрет на службу судимым и бывшим малолетним преступникам; установление в казармах средств визуального контроля; ужесточение спроса с офицеров-укрывателей и с участников неуставных взаимоотношений; установление в

доступных и безопасных местах телефонов доверия, позволяющих в любое время позвонить командирам, психологам и другим должностным лицам; переход на контрактную службу; ограничение информации об армии в СМИ с одновременным максимальным допуском в части общественности.

К мерам, рассчитанным на длительный период, авторы относят: повышение престижности военной службы; тщательный отбор кандидатов на военную службу; воспитание достойных граждан, уважающих свое личное достоинство.

Для решения многообразных задач профилактики и пресечения неуставных взаимоотношений военный психолог должен быть подготовлен к следующим видам деятельности: а) к выявлению неуставных взаимоотношений различными методами; б) к коррекционной работе по сплочению коллективов (развитию позитивного лидерства, подготовке специальных групп молодых военнослужащих – «киллеров» неуставных взаимоотношений); хорошим примером здесь может послужить опыт создания групп военнослужащих из числа членов молодежной организации «Наши». В некоторых воинских частях система «дедовщины» уже дала сбой, наткнувшись на сопротивление таких групп; в) к эффективному консультированию командиров по методам профилактики неуставных взаимоотношений; г) к психокоррекционной работе с лицами, участвующими и потенциально готовыми к участию в неуставных взаимоотношениях; д) психолого-правовое просвещение военнослужащих различных периодов службы.